

На следующий день Нин Цюяня разбудил стук в дверь. Оказалось, что приехал курьер — и заполнил квартиру множеством картонных коробок.

Нин Цюянь ничего не заказывал и решил, что произошла ошибка. Но когда курьер попросил расписаться, в графе получателя чётко и ясно значилось: «Нин Цюянь».

Ему ничего не оставалось, кроме как подтвердить получение. Он стоял посреди комнаты, окружённый коробками, и не знал, что с ними делать.

В большинстве из них оказалась еда: вакуумные упаковки с овощами, фруктами, свежим мясом — в том числе редкие сорта, каких в Утуне было не достать. Кроме того, целый ворох питательных добавок и тонизирующих средств — почти все в консервированном виде, не требующие готовки, удобные в употреблении.

Наконец, на дне одной из коробок Нин Цюянь нашёл распечатанную программу питания: подробнейший план на ближайшие полмесяца, расписанный до каждого приёма пищи. Под ним стояла подпись доктора Лина.

Нин Цюянь вспомнил, что после последней сдачи крови доктор обещал составить для него меню, — но не думал, что вместе с ним пришлют все продукты.

Ни телефона доктора Лина, ни номера острова Ду у него не было.

Единственный канал связи — электронная почта, которой они обменялись ещё при подписании договора.

Он открыл ноутбук и набрал сообщение: поблагодарил за заботу, но написал, что может организовать питание самостоятельно.

Ответ пришёл меньше чем через минуту — будто кто-то караулил по ту сторону экрана.

Lu23121873: [Пожалуйста. Это распоряжение господина Гуаня. Через полмесяца придёт следующий план питания. Просьба подтвердить получение.]

Короткий, сухой ответ — ни тени эмоций, ни намёка на то, что с Нин Цюянем собираются это обсуждать.

Нин Цюянь убрал руки с клавиатуры и передумал отвечать.

Непонятно отчего, у него возникло ощущение, что его откармливают.

Гуань Хэну нужна его кровь — значит, нужно содержать его тело в порядке, чтобы в следующий раз удобнее было взять свою долю.

Вот и вся холодная правда.

Поддерживать здоровье — единственное, что от него требовалось.

Рассортировать продукты заняло некоторое время. К вечеру Нин Цюянь оделся в тяжёлую куртку и пешком отправился на подработку.

Та вакансия продавца в музыкальном магазине, которую он просил друга ему подыскать, так и не выгорела: на острове Ду он получил уведомление о провале собеседования. Новость его слегка расстроила.

Так что единственной работой оставалась смена в баре — официантом, с половины седьмого вечера до часу ночи.

К вечеру стало ещё холоднее, чем днём.

Промёрзший тротуар блестел, оранжевые фонари освещали лужицы, оставшиеся от растаявшего снега, и свет в них дробился, мерцая.

Прохожих, спешащих с работы домой, было много.

Нин Цюянь миновал несколько улиц, срезал через переулок и спустился в подземный квартал.

Ночная жизнь только начиналась.

У обочины курили подростки со скейтами. Уличный музыкант настраивал аппаратуру. Какая-то компания сомнительного вида сидела под светящейся вывеской, болтала и время от времени разражалась громким хохотом, пересыпанным бранью.

Кто-то присвистнул ему вслед.

Нин Цюянь скользнул по нему взглядом, развернулся и вошёл в бар «N°».

Весь вечер он был рассеян.

Вокалист и гитарист резидентной группы, которого все звали Рэй, в тот вечер жаловался на горло.

В перерыве, переговорив с ребятами из группы, он спрыгнул со сцены, обнял Нин Цюяня за плечо и назвал песню:

— Следующий номер — вот этот. Подмени меня, половину гонорара за вечер отдам.

Нин Цюянь стоял у барной стойки с подносом и смотрел в пустоту.

Вокруг стоял шум.

Он с запозданием поднял голову; разноцветные огни мигали на его лице:

— А?

Потом покачал головой:

— Я не умею.

Рэй прищурился:

— Не умеешь? Я же слышал, как ты поёшь. Что, не хочешь?

Нин Цюянь не стал отрицать:

— Не хочу.

— У тебя сегодня прямо характер прорезался, — заметил Рэй.

— А что, раньше у меня характера не было? — ответил Нин Цюянь.

Он работал здесь всего несколько месяцев. Когда устроился, ему ещё не было восемнадцати — попал сюда по чьей-то протекции, через заднюю дверь. Сказал, что нужны деньги. Был тихим и покладистым, проблем не создавал.

И действительно ни разу не наскандалил — за исключением одного случая, когда пьяный клиент устроил дебош и Нин Цюянь вызвал полицию. Когда было много работы — работал, когда нет — стоял у сцены и молча смотрел, как играет группа.

Одно время он пропал, и все решили, что вернулся к учёбе. Но месяц назад он снова появился.

Рэй фыркнул и не стал настаивать.

Вместо этого потрепал его по волосам, как несмышлёного, но вредного ребёнка, и с заботой спросил:

— Ты на выходных куда пропадал?

На выходных он ездил на остров Ду.

Делал нечто невероятное.

Серое небо. Тёмно-синее море. И тот остров.

Здесь, в этом мире, всё это было его тайной.

— У друга гостил, — сказал Нин Цюянь.

Рэй ещё немного поболтал с ним, а перед выходом на сцену провёл по струнам и показал жестом:

— Когда захочешь выступить — скажи.

Нин Цюянь не хотел выступать.

После смены, когда он переодевался в подсобке, зазвонил телефон. Решив, что это уже подъехавший Су Цзяньчжоу, он снял трубку:

— Сейчас выйду.

Но из трубки раздался знакомый женский голос:

— Нин-Нин, ты уже освободился?

Нин Цюянь не ожидал, что она позвонит в такое время.

Он медленно натянул свитер и лишь тогда откликнулся:

— Да.

Женщина обменялась с ним парой вежливых фраз и перешла к делу:

— Ты и сам знаешь: ваша квартира — старьё. Инфраструктуры никакой, ни школы, ни больницы рядом. Единственный плюс — расположение в центре. Сейчас на такое жильё мало кто согласится. Я и так подняла цену, насколько могла. Покупатели не отказали — говорят, хотят завтра заехать, посмотреть.

Нин Цюянь спокойно ответил:

— Я не продаю квартиру.

Женщина рассмеялась:

— Ну что ты как маленький! Не продашь — где возьмёшь деньги на учёбу? Мы-то можем подождать, отдашь потом. Тётя ведь не чужая. Но ты же знаешь, у братика с сестрёнкой тоже учёба, а у нас с дядей возможности ограничены...

Нин Цюянь опустил ресницы:

— Я верну деньги как можно скорее.

По ту сторону прозвучало ещё несколько обтекаемых фраз.

Их истинный смысл Нин Цюянь прекрасно понимал.

— Я верну деньги, — повторил он.

Связь оборвалась.

Су Цзяньчжоу пришёл чуть позже, чем планировал.

Нин Цюянь в своей обычной чёрной вязаной шапке сидел у дверей закрывающегося «N°». Кажется, он немного похудел. В толстом пуховике, одна рука в кармане, он потягивал через трубочку горячее молоко — подарок от хозяина бара.

Горячее молоко в ночном баре — такой же абсурд, как и подработка Нин Цюяня в ночном клубе.

Су Цзяньчжоу заметил его издалека и окликнул.

Лицо у Нин Цюяня было не больше ладони, глаза круглые, выражение слегка растерянное.

Подойдя ближе, Су Цзяньчжоу обнаружил, что тот — как и следовало ожидать — слушает музыку.

— Новые наушники? — Он вынул один из уха Нин Цюяня. — Наконец-то сломанные выбросил?

Нин Цюянь забрал наушник обратно. Щёки предательски вспыхнули:

— Подарили.

Принимать подарки ему всегда было неловко. Су Цзяньчжоу и раньше предлагал купить ему наушники, но Нин Цюянь отказывался.

Он спрыгнул со ступенек, поставил бутылку из-под молока на землю — утром её заберут на переработку.

Обернулся и увидел ироничный взгляд Су Цзяньчжоу. Пришлось пояснить:

— Это господин Гуань подарил. Когда я ездил на остров сдавать кровь.

Су Цзяньчжоу шутливо присвистнул:

— Ну у твоего подопечного и размах.

Они шли плечом к плечу через ночную площадь, одинаково закутанные.

Два ходячих колобка.

Добрались до привычной шашлычной, сели друг напротив друга под тентом.

Хозяин сказал, что давно их не видел, и выставил несколько бутылок пива — за счёт заведения.

— Ну как самочувствие? Нигде не беспокоит? — Су Цзяньчжоу спросил о сдаче крови, а потом добавил: — Чего такой кислый?

Су Цзяньчжоу был на несколько лет старше. Они познакомились у одного преподавателя музыки и знали друг друга почти десять лет. Не считая периода, когда Су Цзяньчжоу бросил гитару и поступил в медицинский, они, можно сказать, выросли вместе.

Скорее не друг, а старший брат.

Нин Цюянь считал, что некоторые вещи либо несущественны, либо рассказывать о них бесполезно.

Он не упомянул ни парня в наручниках, ни то, как чуть не провалился под лёд, когда бежал от звуков выстрелов, ни своё затмение сознания во время забора крови. Всё это вызвало бы лишь ненужное беспокойство.

— Там все очень хорошие, вежливые, — сказал он. И рассказал про дядю Кана, про доктора Лина. — Они не обращались со мной как с тем, кто торгует своей кровью.

Су Цзяньчжоу нахмурился:

— Ты и не торгуешь.

Нин Цюянь вспомнил ту гору еды и витаминов, доставленных на дом:

— Ещё как торгую.

— А Гуань Хэн? — спросил Су Цзяньчжоу. — Ты его видел?

Сердце Нин Цюяня коротко, нервно стукнуло.

Он не понимал, с чего вдруг такая реакция.

— Да, — ответил он.

— Ну и как? Он в жизни такой же, как на фотографии?

Та фотография когда-то облетела весь интернет. Когда Нин Цюянь получил письмо с острова, они с Су Цзяньчжоу ещё гадали, вдруг Гуань Хэн в реальности окажется совсем другим.

Нин Цюянь сказал, что вживую Гуань Хэн гораздо красивее, чем на снимке.

Су Цзяньчжоу посочувствовал: мол, судьба к Гуань Хэну жестока — дала богатство и красоту, но забрала здоровье.

Есть больные, которые всю жизнь борются с недугом крови.

Есть те, кому после ремиссии болезнь возвращается — и надежда гаснет.

И лишь очень немногие побеждают и обретают здоровье заново.

Мертвенная бледность Гуань Хэна не оставляла Нин Цюяню возможности возразить.

Су Цзяньчжоу сделал заказ и спросил, каков Гуань Хэн как человек:

— Такой же приятный, как те, про кого ты рассказывал? Или неприступный, не от мира сего — золотая молодёжь?

Нин Цюянь покачал головой:

— Он другой.

Он понятия не имел, был ли Гуань Хэн наследником состояния. Формально они встречались, но по сути Нин Цюянь ничего о нём не знал. Гуань Хэн точно не вписывался в ожидания людей, но и доступным или простым в общении его было не назвать. Нин Цюянь не мог подобрать слов.

Теперь, на расстоянии, вспоминая их разговор наедине в его комнате, те фразы с тяжёлым подтекстом, — тогда они не казались чем-то особенным, а сейчас выглядели почти безумно.

Может, дело в болезни? Может, именно она делает Гуань Хэна таким?

— В чём «другой»? — не унимался Су Цзяньчжоу. — Плохой характер?

— Нет... — Нин Цюянь не находил нужных слов.

Стоило вспомнить Гуань Хэна — и в груди возникало что-то вроде мгновенной аритмии, от которой становилось не по себе.

— Я не могу объяснить.

Под тентом было тепло.

Пахло жареным мясом.

Нин Цюяню стало жарко.

Он размотал шарф, потом стянул куртку.

Они разговаривали о чём-то, когда Су Цзяньчжоу вдруг уставился на его шею:

— Что у тебя с шеей?

Нин Цюянь не понял:

— В смысле?

Су Цзяньчжоу попросил его наклонить голову и, осматривая шею, вынес заключение:

— Две ранки, уже покрылись коркой. Маленькие. Выглядят как два крошечных отверстия.

Нин Цюянь сидел с выражением полного недоумения:

— Правда?

— Правда. Чуть ниже той татуировки-сердечка за ухом. — Су Цзяньчжоу посмотрел на него. — Где ты это заработал?

<http://bllate.org/book/17881/1710775>